

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

© 1998 г., ЭО, № 5

СССР: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

A.M. Khanov: After the USSR: Ethnicity, Nationalism, and Politics in the Commonwealth of Independent States. Madison, 1995. 312 p.

V.A. Tishkov v. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: the Mind Aflame. L., 1997. 334 p.

С интервалом менее чем полтора года, независимо друг от друга в разных концах земного шара вышли в свет две книги с очень похожими названиями, одного формата и почти одинакового объема, посвященные этническому фактору в формировании постсоветского социально-политического пространства. Автор одной из них, А.М. Хазанов, ныне профессор Висконсинского университета (Мэдисон, США), долгие годы был научным сотрудником Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии РАН); В.А. Тишков – автор другой книги – также давнишний сотрудник, а ряд последних лет директор этого института. Таким образом, оба ученых имеют сходный научный опыт, что, впрочем, не делает эти книги в чем-либо дублирующими друг друга: на 90% они являются взаимодополняющими и должны стоять рядом на книжной полке любого эксперта по проблемам постсоветской истории и политологии Евразии. При этом осмелюсь утверждать, что автор, не обладающий опытом многих лет работы в ИЭА РАН (ИЭ АН СССР), головном исследовательском учреждении советской этнографической науки, не был бы способен написать на должном уровне труд на подобную тему. Попытки уже были, и их результатом явились для своего времени очень неплохие книги, но ни одна из них не может быть сопоставлена по своей значимости и глубине охвата с трудами А.М. Хазанова и В.А. Тишкова¹. В то же время следует отметить, что обе рецензируемые книги не были задуманы как всеохватывающие. В их вводных разделах речь действительно в той или иной мере идет о процессах, развертывавшихся на всей территории СССР. Однако основной их объем посвящен ограниченному кругу регионов и этносов, причем опять-таки, не сговариваясь, авторы сделали очень похожий выбор. Треть книги А.М. Хазанова посвящена Средней Азии, Казахстану, Якутии, туркам-месхетинцам и чеченскому кризису. Треть книги В.А. Тишкова – Средней Азии и Казахстану (с особым разделом об Ошском конфликте), ингушко-осетинскому конфликту и, разумеется, чеченскому кризису. Проблемы стран Закавказья, Балтии, Украины и Молдовы, республик Волго-Уральского региона затрагиваются в обеих книгах неоднократно, но без выделения в особые разделы.

В обеих книгах имеется довольно обширная библиография: 20 с. у В.А. Тишкова, 27 с. у А.М. Хазанова. Любопытно, что несмотря на сходство темы, цитируемая литература, кроме некоторого числа книг и статей, ставших уже классическими (вроде «Ethnic Groups and Boundaries» Ф. Барта и тому подобных работ), в двух списках почти не повторяется, авторы на 90% опираются на разный круг печатных источников. Конечно, библиографические списки явно не исчерпывают всю литературу, проработанную ими; есть много конкретных фактов, почерпнутых из небольших публикаций, которые в списки не попали. И все же представляется, и это часто видно из текста, что основная, наиболее существенная информация помимо статистических данных получена авторами не из книг и статей, а из встреч, бесед, интервью с широким кругом экспертов, ученых, общественных и политических деятелей и просто рядовых представителей различных этносов СНГ, хотя, по-видимому, чаще в Москве или Петербурге, нежели на их собственной этнической территории. У В.А. Тишкова к этому добавляется личный опыт участия в политико-административном процессе, позволяющий ему видеть многие проблемы как бы изнутри аппарата, и о котором он повествует с подкупающей прямоотой и откровенностью.

Сходна и внутренняя структура рассматриваемых книг. Обе они распадаются на три примерно равновеликие части: 1) общая обзорная часть, 2) разбор конкретных локальных случаев и 3) заключительная часть (эти части отчетливо выделены у В.А. Тишкова и подразумеваются у А.М. Хазанова; кроме того, заключение у А.М. Хазанова относительно краткое и значительная доля третьей части книги занята приложениями).

Общая часть книги А.М. Хазанова состоит из трех глав: 1. Распад СССР: национализм во время и после перестройки (1985–1992). 2. Поэзия и проза посттоталитаризма (бывший СССР в 1985–1994). 3. Этнические меньшинства, тоталитаризм и демократия. А.М. Хазанов сосредоточивает свое внимание на конкретном анализе этнических отношений в поздние годы существования СССР и в первые годы после распада, сравнительно мало уделяя его теоретическим постулатам. Однако в целом можно видеть, что автор почти во всем принимает теоретические посыпки Э. Геллнера, расходясь с ним только в некоторых частностях (так, на наш взгляд, он правомерно считает, что Э. Геллнер переоценивал размах различий между бюрократической и технократической частями советской и постсоветской управленческой верхушки) (с. 73). Пожалуй, самой теоретически важной (и верной) фразой в тексте А.М. Хазанова является утверждение: «В любом конкретном случае в этничности можно найти и примордиалистскую, и инструменталистскую, и конструктивистскую сторону» (с. 108). Будучи в основном примордиалистом, т.е. убежденным в том, что этнос существует и в виде объективной реальности, а не только мысленной конструкции в сознании отдельных индивидов, я вижу в таком подходе (пусть простят мне читатели мой неуклюжий каламбур) гораздо больше конструктивности, нежели в настойчивом упоре В.А. Тишкова на примат конструктивизма, красной нитью проходящем через всю его книгу, или, скажем, в абсолютизации инструментализма у Ф. Барта.

Фактический анализ и предыстории нынешних этнических конфронтаций, и их текущего хода, проделанный А.М. Хазановым, можно назвать блестяще беспощадным. Прежде всего, нигде еще не была столь убедительно показана назойливо русификаторская политика советского режима всех послевоенных десятилетий (а по существу даже с конца 1930-х годов) – ущемление национальных языков (сравнительно сдержанное и завуалированное в союзных республиках, но совершенно беспардонное в автономиях), политика заселения русскими переселенцами национальных окраин, пренебрежительное отношение этих переселенцев к местному населению, к его языкам и культуре, политика превращения экономики окраин в зависимые придатки экономики основного пояса русских областей, шовинистическое истолкование истории, где русские политики и военные, как правило, восхвалялись, а их противники шельмовались как реакционеры и предатели, и многое другое, из-за чего все нерусское население СССР не могло не ощущать себя, хотя по-разному и в разной степени, так или иначе ущемленным национальным меньшинством, и лицемерность лозунга «дружбы народов» прекрасно осознавалась отнюдь не только националистически настроенными диссидентами, и даже не только национальными интеллигентами, но и самыми широкими народными массами.

Однако и нарисованная А.М. Хазановым картина все же недостаточно полна. «Дружба народов» была нередко фальшива, спору нет. Но дружба людей разных национальностей была реальностью. Огромное число смешанных браков может быть принято за одно из статистически измеримых выражений реального интернационализма, межэтнической толерантности, гуманности межчеловеческих отношений, характерных для бытового уровня жизни советского общества и 1930-х, и 1940-х, и даже 1960-х годов. И в начале Великой Отечественной войны, когда в Среднюю Азию хлынул поток беженцев из оккупированных районов, и в конце ее, когда туда же стали прибывать эшелоны репрессированных народов, местные жители – узбеки, казахи, киргизы – сплошь и рядом делились последним куском хлеба с этими обездоленными людьми, невзирая на этнические и культурные различия, не во имя официальной политики партии и правительства, а часто вопреки ей. А в 1956–1957 гг., когда репрессированные кавказцы возвращались к себе на родину, разве не помогали им обустроиваться в разоренных очагах их русские соседи, друзья и побратимы? Многие люди старшего и даже среднего поколения могут рассказать на эту тему немало трогательных историй из собственной жизни. Впрочем, немало таких же трогательных историй, ставших, увы, достоянием истории, могут рассказать и старожилы Мостара и Сараева. Как произошло, что искренняя и преданная дружба людей уступила место межобщинной ненависти, почему тот самый знакомый мне азербайджанец, который еще в 1986 г. доверял своему соседу-армянину больше, чем родному брату, в 1988 г. перестал здороваться с ним, а в 1990 г. поднял против него оружие, – это сложный вопрос, но это – именно то, что произошло, и сказать об этом было бы нужно. Равно как и о том, что один из самых распространенных в интервью ответов, который дает обычно русский человек по вопросу об этнических отношениях, – «Мне все равно, какой он нации, главное, был бы человек хороший».

Можно сделать еще несколько замечаний. Многие, сказанное А.М. Хазановым о пренебрежительном, оскорбительном отношении русских («русскоязычных») переселенцев к местной культуре и языку, справедливо. Но справедливость требует сказать, что в основном это проявлялось в поведении недавних переселенцев. Как правило, чем дольше прожил данный человек и его семья в среде местного народа, тем

выше его уважение к местному языку и культуре. Несколько утрируя, можно даже сказать: пренебрежение к местным народным традициям – это интегральная часть советской, номенклатурной ментальности; уважительность и доброжелательность к ним – во многом часть наследия народной и интеллигентской ментальности дореволюционной России.

И второе, что А.М. Хазанов в принципе не отрицает, но, пожалуй, несколько недооценивает, – это то, что местные, национальные партийно-бюрократические верхушки в плане культурно-языкового русификаторства, борьбы против народных традиций, особенно духовных и религиозных, могли быть и были «каголичнее папы Римского»; это, кстати, отмечал уже В.И. Ленин². Однако они отнюдь не были интернационалистами на деле, они прежде всего радели о своих этнически лимитированных кланово-корпоративных интересах, и русские в Грузии, в Армении, в Узбекистане, даже в Кабарде задолго до распада СССР нередко ощущали себя национальным меньшинством в том смысле, что перспективы их социальной мобильности, получения хорошей работы и образования, предоставления льгот, защищенности от бюрократическо-полицейского произвола были, как правило, намного хуже, чем, при прочих равных условиях, для представителей титульной национальности. Другое дело, что для представителей «третьих» национальностей – армян и осетин в Грузии, турок, уйгуров или корейцев в Средней Азии и т.д. – они подчас могли быть еще хуже. Но утверждать, что повсюду в СССР русский человек был в лучшем положении, чем человек коренной национальности, было бы глубоко неверно. Опять-таки А.М. Хазанов этого и не утверждает, но и не отмечает того, что именно в этом – существенное отличие «советского империализма» от дореволюционного «царского империализма», отличие, которым нельзя пренебрегать.

Я осмелюсь утверждать также, что в первое десятилетие Советской власти, в 1920-е годы, еще доминировали в национальном вопросе идеалы и мифологемы европейской социал-демократии. Они были отброшены партийной верхушкой уже в 1930-е годы, и сталинизм был их прямой противоположностью, но их инерция была настолько велика, что сохранялась во многом и в 1980-е годы. Вряд ли распад СССР осуществился бы так легко, не будь в Конституции СССР изначально заложена казавшаяся многие десятилетия чисто бутафорской статья о праве на выход из СССР.

Не случайно до Великой октябрьской социалистической революции 1917 г. (далее – ВОСР), за вычетом Польши, ни одна нерусская территория России не ставила вопроса о выходе из единого государства. Почему? Наверное, прежде всего потому, что преимущества, потенциалы и перспективы русского рынка, русской экономики, русской культуры и науки были столь явны, столь далеко превосходили местные возможности каждой отдельной этнической территории, что отказываться от них никому всерьез не хотелось. Лишь когда большевики и начатая ими ВОСР создали отчетливую угрозу смерти рынка, развала экономики, деградации культуры и науки, тогда и обозначились националистические, местнические, областнические сепаратистские тенденции. В дальнейшем национальное строительство на местах, при всей своей преднамеренной однобокости, успешно создавало иллюзию экономической и культурной самодостаточности всех союзных и многих автономных республик. Напротив, уродливая общесоветская экономика и сверхидеологизированная общесоветская культура не обладали и малой долей той привлекательности, которая имела в дореволюционной русской экономике и культуре. Понятно, что в 1990–1991 гг., с углублением кризиса СССР, в республиках росло желание «отскокить» от России, как от тонущего корабля, росла надежда, что в отдельности им будет лучше, хотя на деле именно Россия сумела хотя бы частично сохранить свой потенциал, тогда как даже Украина и Казахстан вышли из СССР с огромными потерями, а Грузия и Таджикистан оказались на грани полного коллапса. Лишь страны Балтии, несомненно, в целом выиграли от выхода из СССР, и А.М. Хазанов четко объясняет, почему. Если в странах Балтии, как в Чехии, Польше или Венгрии, прогрессивным силам удалось провести реальные антикоммунистические революции, вышвырнуть номенклатуру с ее властных позиций, то в других странах СНГ, как в Сербии или Румынии и особенно в России, никакой революции не произошло. «Новый» правящий класс (или слой) – это в основном (в провинции нередко почти всецело) все та же номенклатура, даже не всегда считающая нужным какое-либо косметическое обновление (с. 91). Поэтому здесь вполне реально формирование авторитарных режимов с националистической идеологией и лишь некоторыми элементами рыночной экономики (с. 92). Надо сказать, что такие режимы уже в основном сформировались или интенсивно формируются в большинстве государств Средней Азии и Закавказья, но по этому же пути движется и Россия. Во всяком случае Егор Яковлев, ныне главный редактор «Общей газеты», видимо, знает, о чем говорит, когда пишет («Известия» от 8 августа 1997 г.), как о само собой разумеющемся тривиальном факте, что «современное развитие России привело к криминальному государству, к глубокому социальному расслоению, к ликвидации демократических идеалов, к деградации всех авторитетов». Однако и в криминальном государстве, особенно

если оно полиэтнично, возможны разные варианты: и жесткое доминирование одной силы, одной группировки, и договоренность о разделе прерогатив и сфер влияния между рядом иерархически соподчиненных группировок, в том числе и этнически оформленных. А.М. Хазанов правильно пишет (с. 110), что при столь различных этничностях, как чукчи и татары, черкесы и тувинцы, ханты и якуты, не может быть единой формулы для всех, а только лишь процесс договоренностей, учитывающий специфику интересов каждого этнического меньшинства. «Однако российское руководство, видимо, держится иного мнения. Новая Российская конституция похоронила федеративный договор, по которому автономные республики Российской Федерации получили ряд государственных прерогатив» (с. 111). Несомненно, федеральное правительство хотело бы забрать сейчас назад все, что вынуждено было отдать республикам в форме двусторонних договоров и прочих соглашений. Однако сделать это будет нелегко, и чем больше власти центра (и представляемые ими интересы олигархических компрадорских финансовых группировок) будут усердствовать в этом направлении, тем большие потрясения в форме этнических конфликтов могут ожидать Россию в будущем. Есть только один способ избежать этих потрясений или по крайней мере смягчить их, и отчасти он апробирован в США в форме так называемой «политики аффирмативных действий»: как пишет А.М. Хазанов (с. 110), «прагматические соображения политической стабильности часто указывают на желательность определенной степени отхода от принципа всеобщего равенства для всех граждан данного государства», «и даже многие западные демократии не возводят в абсолют принцип всеобщего равенства, и предоставляют определенные преимущественные права этническим меньшинствам, включая их права на некоторые территории». Это в сущности те же социал-демократические подходы, которые реализовывались в СССР 1920-х годов (о чем А.М. Хазанов не упоминает), но ожидать возврата к ним в России «дикого капитализма» не приходится. В последних строках этого раздела А.М. Хазанов пишет: «Мне очень хочется думать, что хотя пока это более пожелания, чем научный прогноз, все же пост-тоталитаризм в бывших коммунистических странах окажется просто переходным этапом к либеральной демократии, и что возникновение гражданского общества в конечном счете снимет напряженность в межэтнических отношениях» (с. 112).

Как я мог неоднократно наблюдать, еще больше так хочется думать множеству либерально-демократических коллег А.М. Хазанова на Западе, более чем склонных принимать желаемое за действительное (от чего сам же А.М. Хазанов на страницах своей книги неоднократно предостерегает). Да и нам, конечно, хочется думать так же, очень хочется, да, увы, не можется.

Переходя к рассмотрению соответствующих, т.е. вводных, разделов книги В.А. Тишкова, отметим одно ее существенное отличие от книги А.М. Хазанова, отличие, которое вообще характерно для книг и статей российских авторов в сравнении с трудами их западных коллег и которое можно определить как большую публицистическую эмоциональность. Этого качества стараются избегать на Западе; в России его не избегают и не стесняются. Это не делает русские труды лучше или хуже западных: это просто делает их другими. Книга А.М. Хазанова почти не содержит призывов; пожалуй, единственное, к чему он призывает в более или менее эксплицитной форме, это не слишком предаваться эйфорическим иллюзиям насчет российской «демократии» и будущности ее «реформ». У В.А. Тишкова призывов и предложений значительно больше.

С одним весьма важным призывом-предложением мы сталкиваемся еще до введения в предварительной заметке «Титулы, имена, категории». В.А. Тишков настаивает и, на наш взгляд, вполне справедливо, на различении этнонимов и политонимов, этнонаций и политонаций, согражданств и этносов. Не одно и то же русские и россияне, казахи и казахстанцы, и В.А. Тишков предлагает и в английском тексте проводить различие между *Rossian* – российским и *Russian* – русским.

В целях научной терминологической корректности это предложение следует всячески поддерживать. Однако в какой мере оно существует в общественной реальности? Выделяет ли обыденное сознание живущего во Франции араба какие-либо «французские» ценности или достижения, отличные от просто французских, несущих на себе неоспоримую печать и франкоязычности, и франкоэтничности? Различает ли живущий в Казахстане русский человек казахские и казахстанские, русские и российские ориентиры и явления? И не ощущается ли им практически все российское включенным в этническое русское, а все специфически казахстанское – как сущностно прежде всего этнически казахское?

Это примеры этнически обусловленного отторжения, неприятия политонациональных категорий в силу их восприятия как сущностно этнонациональных. Но можно привести и примеры позитивного отношения, и более или менее полного притяния. Я никоим образом не склонен идеализировать этнополитическую ситуацию и общую атмосферу царской России конца XIX – начала XX в. Но по мере все более глубокого

осмысления ее истории сегодня представляется, что привычный штамп «тюрьмы народов» по отношению к ней должен быть пересмотрен. Российская империя была все же не столько тюрьмой, сколько общежитием народов, со своими как положительными, так и отрицательными чертами, но в целом для своего времени общежитием относительно удовлетворительным. Этнически нерусская интеллигенция в ней была еще немногочисленна, но она уже имелась. При этом ее представители (например, Ованес Туманян, Георгий Габашвили, Чокан Валиханов, Коста Хетагуров, Николай Катанов, Гомбожап Цыбиков и др.), будучи яркими представителями армянской, грузинской, казахской, осетинской, хакасской, бурятской интеллектуальности и культуры, по своему основному культурному тезаурусу, по владению выразительными средствами русского языка, по своим духовным ориентирам были стопроцентными русскими (именно русскими, а не «российскими») интеллигентами, ни в чем не уступавшими интеллигентам русской этнической принадлежности. Этим, между прочим, они резко отличались от интеллектуальной элиты Финляндии, Царства Польского и прибалтийских губерний. Лишь немалое время спустя после ВОСР стало возможным появление новой когорты национальной интеллигенции, мало или недостаточно сопричастной русской культуре («общесоветская» культура, будучи во многих аспектах скорее пропагандистским инструментом, нежели резервуаром духовности, эту утерю эффективно восполнить не могла).

Неоднократно в книге В.А. Тишкова высказывалась мысль, что в разжигании межэтнической вражды и кровопролитных конфликтов огромная доля вины ложится на национальную интеллигенцию, в том числе творческую, которая вместо того, чтобы продолжать «ставить великолепные шекспировские трагедии» (с. XIV), занялась безответственным мифотворчеством, а кончила отдачей приказов об убийствах с применением самого современного оружия. В.А. Тишков призывает эту интеллигенцию к покаянию, к переосмыслению своей роли в межэтническом процессе, к осмысленным и ответственным миротворческим действиям. Это правильно и благородно, но, видимо, реально бесперспективно. Как правильно отмечает автор, тоталитарная инерция порождает новый тоталитаризм группового мифа и ни один этнограф не осмелится выступить против него. Я хорошо помню, какому шельмованию и бойкоту сам подвергался в Армении в 1988–1991 гг. за частичное несогласие с тактикой комитета «Карабах» (позднее – АОД) и за совет не спешить с выходом из СССР. Но иногда и В.А. Тишков не вполне прав в своей критике: так, цитируя слова бывшего президента Армении Л. Тер-Петросяна «...право нации на самоопределение есть абсолют: если народ решил взять свою судьбу в собственные руки, ничего, включая насилие, не сможет повернуть вспять этот процесс», он говорит, что «подобный тезис лишен всяких научных оснований». По-моему, данный тезис научен ничуть не менее, чем утверждение, что вода кипит при 100 °С: по крайней мере, практика его неизменно подтверждает.

С тем, что на национальной интеллигенции лежит немалая доля вины и за поспешные, непродуманные, нецивилизованные действия по расформированию Советского Союза, и за разжигание русо- и ксенофобных настроений в народных массах родных этносов, и в итоге – за бесчисленные вспышки этнических конфликтов разного масштаба, от простых «мордобитий» на танцплощадке до полномасштабных этнических войн, к сожалению, нельзя не согласиться. К некоторым приведенным у В.А. Тишкова далеко не самым одиозным примерам псевдопатриотической писанины, под которой бездумно подписываются не только дилетанты, но и вполне уважаемые ученые (у В.А. Тишкова названы М.Д. Лорджипанидзе, В. Хамидов, А. Балаев), можно добавить не десятки, а сотни имен авторов совершенно ненаучных статей, брошюр и книг практически в любой бывшей автономной или союзной республике (на этот предмет можно отослать читателя к работам В.А. Шнирельмана)³.

Однако следовало бы более ясно указать, что поток подобной литературы в немалой мере провоцируется порой бестактными, а порой и прямо злонамеренными высказываниями русских авторов – также в прошлом вполне уважаемых ученых и интеллектуалов, например В.И. Козлова. Речь идет отнюдь не только об антисемитских высказываниях (здесь как раз критика В.А. Тишкова и в адрес Л.Н. Гумилева, и его эпигона И. Шишкина, и других авторов вполне бескомпромиссна), но и о высокомерных рассуждениях о правомерности или неправомерности исторических и территориальных «претензий» казахов, украинцев, татар и других этносов, действующих на национальную интеллигенцию как красная тряпка на быка. Несомненно, именно национальная интеллигенция в значительной мере ответственна за создание той параноидальной атмосферы вокруг разгоревшихся конфликтов, которая не позволяет даже наиболее трезвым и ответственным политикам вступить на путь компромиссов, ибо это становится для них равносильным самоубийству. Э.А. Шеварднадзе говорил об этом В.А. Тишкову лично (с. 14), а я добавил бы сюда кампанию, которая в 1997–1998 гг. была развязана в Армении против Л. Тер-Петросяна и привела к его отставке, едва он заикнулся о возможности компромисса в Карабахском вопросе.

И все-таки В.А. Тишков преувеличивает роль национальной интеллигенции в создании как самих этносов, так и конфликтов между ними. Нельзя считать, что грузинское групповое самосознание было создано интеллигентами в XIX в. – оно существовало уже в XI в., равно как и претензия на общенародную роль грузинского (картульского) языка, хотя до сих пор разные этнографические группы грузин говорят на целом ряде очень разных языков и диалектов. Что же касается межэтнических конфликтов, даже если представить, что каким-то чудом вся творческая интеллигенция единодушно встала бы на позиции гуманизма, интернационализма, космополитизма и дружбы народов, собственные народы отвернулись бы от нее, как в свое время отвернулась основная масса немецкого народа от антифашистов. Массы все равно пошли бы за лидерами из числа отставных военных, полукриминальных нуворишей и перекрасившейся партноменклатуры, выражавших и озвучивавших инстинкты этих масс: в общем-то нормальные для каждого этноса инстинкты этнического самосохранения и расширенного самовоспроизводства, которые, однако, уже не только не сдерживались оковами тоталитарной дисциплины, но и бесконечно разжигались иллюзорными перспективами бесконтрольной «прихватизации» обманчиво бесхозного добра.

Я не знаю, кто из националистических лидеров, стоящих у власти или находящихся в оппозиции, интеллектуалов или партфункционеров, реально верит в те громкие лозунги, которые они провозглашают в своих речах и брошюрах. Более того, я убежден, что сознательно и подсознательно мотивацией их действий, впрочем, как и действий подавляющего большинства политиков общероссийского федерального уровня, служат личное честолюбие, властолюбие, элементарная корысть и шкурные интересы, а отнюдь не любовь к родине или забота о благе народном. В.А. Тишков, конечно, прав, когда говорит, что многих конфликтов можно было бы избежать, приняв Дж. Дудаева с должным почетом в Кремле или предоставив республиканским лидерам по персональному самолету. Забавно и поучительно читать его рассказы об удовлетворенности М. Снегура приемом в доме для высокопоставленных иностранных гостей или о том, как В. Лихачев в свободное от отстаивания независимости Татарстана время зондирует почву, нельзя ли устроиться послом России куда-нибудь в Европу. Увы, европейских посольств на всех не напасешься, и Д. Завгаеву пришлось довольствоваться Танзанией. Но дело в том, что даже если бы Дудаева удалось как-то подкупить, он кончил бы там же, где и Завгаев – в кресле посла и на помойке истории, а кресло Дудаева занял бы Басаев, которого уж заведомо не подкупишь. К забавным историям В.А. Тишкова я мог бы добавить десятки других о том, как пламенные националистические лидеры, едва попав в США в составе какой-нибудь делегации, первым делом пытались разузнать, нельзя ли здесь в каком-либо качестве остаться, если не совсем, так хоть на время. Некоторым это даже удалось, и они сегодня живут в США, перебиваясь случайной работой, благополучно забытые на родине, где их нишу давно уже заняли новые лидеры. Конечно, подкуп – мощное оружие, но даже стоя на конструктивистских позициях, покупать надо не конструктора, а конструкцию, ибо, будучи единожды сконструирована, она начинает жить своей, не вполне зависимой от конструкторов жизнью.

В этом плане двусторонние договоры Центра и субъектов Федерации могут многое дать, и наоборот, их невыполнение или расторжение может быть чревато большими опасностями. Можно лишить Ингушетию привилегий оффшорной зоны, можно предательски заманить в Москву и арестовать ингушского министра, можно саботировать выполнение договоров с Татарстаном или Якутией, но что это даст в перспективе? Ведь обманутыми и оскорбленными окажутся не только президенты Аушев, Шаймиев, Николаев, но и ингушский, татарский, якутский народы, и народы сделают свои выводы о невозможности какого-либо доверия Москве, как сделал их однозначно и, видимо, окончательно чеченский народ. Политика «аффирмативных действий» в США по сути не что иное, как подкуп агрессивного меньшинства, но несмотря на все свои недостатки и издержки, она достигает цели – помогает поддерживать межрасовый и межобщинный мир. Подкупить меньшинство рядом привилегий в конце концов дешевле, чем усмирять его бомбами, облавами и фильтрационными концлагерями. Эту идею, хотя и в сдержанной форме, как мы видели выше, проводит А.М. Хазанов, и нечто похожее мы находим и в заключительной главе книги В.А. Тишкова. К сожалению, то, что постепенно становится ясным наиболее информированным и дальновидным из наших ученых, все еще не может пробить себе дорогу в сознание наших твердолобых законодателей. Во всяком случае, описывая судьбу проекта закона о нацменьшинствах (подготовленного под руководством, как пишет В.А. Тишков, «амбициозного, но плохо образованного Николая Медведева»), автор не считает аргументом против принятия закона перспективу неопределенно долгого роста списка «малых народов», хотя и говорит, что предостерегал Рамазана Абдулатипова от «опасности» смены «общеварского» самосознания андоцеских народов на андийское, цесское и т.д. – именно ради положенных малым народам льгот (с. 62).

Откровенно говоря, я не вижу, в чем здесь опасность. Думаю, что можно лишь приветствовать

появление письменности, литературы, образования на андийском, цезском, бежтинском и любом другом доколе бесписьменном языке. И что плохого в том, что к числу народов России прибавились нагайбаки Южного Урала или сойоты Бурятии? Этим народам нужна дополнительная помощь государства в развитии их культуры, но она нужна и самим бурятам, татарам, башкирам, аварцам, – всем, кто в свое время, уступая грубой силе или надеясь на лучшее будущее, вошел в семью народов России. Та или иная форма аффирмативных действий должна распространяться если не на все 18% нерусского населения, то по крайней мере на все диаспоризованные или находящиеся в меньшинстве эндемические народы России, как распространяется она практически на все небелос меньшинство населения США – это цена гражданского мира в многонациональной стране. К сожалению, этого не понимают не только большинство «амбициозных, но плохо образованных» законодателей, но и те немногие из них, которые хорошо образованы, а потому еще более амбициозны. Даже самые прогрессивные и безусловно либерально-демократически ориентированные деятели центра, как я неоднократно имел возможность убедиться, склонны видеть в политике аффирмативных действий и льгот для меньшинств всего лишь попытку утвердить «захребетное право» национальных территорий (округов и республик) жить за счет «оброка» с «русских» областей. Создается впечатление, что есть некая фатально непроходимая пропасть между русской национальной ментальностью, отчасти деэтнизированной, но неистребимо государственнической, и гиперэтнизированной ментальностью всех прочих народов бывшей империи, от караимов и эзцев до башкир и украинцев. Или, используя терминологию самого В.А. Тишкова, русские более склонны видеть себя как «политонацию», а все прочие – только как «этнонацию». Отсюда, кстати, и берет начало нелепый термин «лицо кавказской или среднеазиатской национальности», вызывающий такое раздражение у адыгов и лезгин, не понимающих, почему их вают в общую кучу с чеченцами и азербайджанцами. Призвать к покаянию национальную интеллигенцию бесполезно. Но почему бы не начать с покаяния русской интеллигенции и русского истеблишмента и не покаяться в молчаливой, а то и громкой поддержке незаконно установленного в центральной России полицейского режима великорусского апартеида, больно бьющего отнюдь не по этномафиозным законам, у которых всегда все «схвачено», а именно по простым законопослушным гражданам? Почему бы не покаяться в нескончаемых поборах и вымогательствах, в грубейших нарушениях конституционных прав российских граждан, в ужасах фильтрационных лагерей, в мародерстве солдат российских войск и в мздоимстве российских пограничников, в самочинных казачьих самосудах и во многих других проявлениях «молодой российской демократии», о которых я знаю отнюдь не понаслышке, а по опыту моих абхазских и дагестанских, осетинских и армянских, бурятских и якутских коллег, студентов и аспирантов?

Эти мои полемические замечания, высказанные не столько по позиции В.А. Тишкова, сколько по существу затронутых им проблем, не умаляют, а подчеркивают ценность вводных разделов его книги. Здесь объективно и ярко отражены перипетии формирования окончательной этноадминистративной структуры СССР, причем показано, что основную роль в этом процессе играли не соображения этнической консолидации, а факторы текущей политики. Очень ценны также во многом уникальные данные о попытках сохранения реформированного СССР в 1990–1991 гг. К сожалению, приводя таблицу о результатах референдума по сохранению СССР от 17 марта 1991 г., В.А. Тишков воздерживается от их анализа. Между тем ясно, что хотя наибольшее число голосов «против» (28%) было на Украине (республики Балтии и Закавказья не голосовали), все же в основном от 20 до 30% голосов «против», поданных в разных регионах России, принадлежали именно этническим русским (несомненно, наиболее образованной части населения), тогда как среднеазиатские избиратели на 95% голосовали за Союз. Совершенно исключительный интерес представляют сведения за тот короткий период, когда автор занимал министерский пост по делам национальностей (в 1992 г.). Несомненно, следует согласиться с его формулировкой «трех основных тенденций», определяющих развитие национального вопроса в современной России. Одна из них – тенденция «не-русского национализма», которая несколько ослабла в последнее время, но которую В.А. Тишков, на наш взгляд, все-таки несколько недооценивает. Вторая – растущая тенденция унитаризма и «державничества» (или «государственничества», что по сути одно и то же) среди политиков центра и в ряде русских областей. И наконец, третья тенденция – общая слабость демократических институтов многонационального государства.

Небольшой раздел «Территория, ресурсы и власть» (с. 63–83) В.А. Тишков посвятил собственно экономическим мотивациям националистических установок. На мой взгляд, этого недостаточно, но мы расходимся в этом вопросе с автором: я продолжаю стоять на позициях экономического детерминизма, а В.А. Тишков решительно склоняется к отказу от приоритета любого отдельного фактора. Тем не менее раздел этот важен и познавательна ценен, хотя в нем рассматриваются такие разные мотивации, как локальный и

центральный контроль над ресурсами (включая топливно-энергетические), экономическая выгода versus экологическая опасность разработки сырьевых месторождений, разрушение природной среды гидро- и ядерными электростанциями, взаимоотношения земледельцев с кочевыми и отгонными скотоводами, отходничество на строительные «шабашки» из трудонизбыточных регионов Кавказа и элементарный грабёж или захват жилых домов «этнического врага». Но все это в конце концов – вопрос передела собственности на ресурсы и имущество, он заслуживал бы более подробного рассмотрения, но, повторяю, и то немногое, что здесь упомянуто, имеет немалую познавательную ценность.

Перейдем к разбору региональных разделов обеих книг. Среднеазиатская ситуация А.М. Хазанову хорошо знакома, он изучил ее в деталях, и в этих деталях основная ценность данного раздела книги. В общем содержание раздела соответствует его заголовку «Средняя Азия на пути из второго в третий мир». Действительно, правление Каримова в Узбекистане существенно не отличается от правления Сухарто в Индонезии, а для действий Туркменбаши Ниязова нетрудно подыскать близкие по своему трагикомизму аналогии во многих «новых независимых государствах» Африки. Впрочем, «второй мир» и до распада СССР был типологически гораздо ближе к третьему, чем к первому (вспомним крылатое выражение «Верхняя Вольта с ракетами»). Так что советское наследие, практически целиком вынесенное в новое «независимое» состояние, лишь придает некоторое тональное своеобразие этим странам в общем какофоническом концерте «третьего мира». Сам термин «третий мир» тоже следует оставить в обиходе, ибо КНР явно остается бастионом второго (Вьетнам, Лаос, Северную Корею и Кубу здесь рассматривать не будем).

Несколько особое положение занимают относительно более либеральные режимы Киргизстана и Казахстана. Рассмотрение последнего выделено А.М. Хазановым в особую главу. Свообразие его создается не в последнюю очередь этническим составом населения страны, где казахи составляют чуть больше 40%, а русские лишь ненамного меньше; правда, это соотношение постепенно меняется в пользу казахов, хотя и не очень быстро.

В.А. Тишков, в частности, считает, что казахи в своем государстве уже составляют более 50% населения. «Русские уезжают» – так называется подзаголовок к этому разделу его книги. Но дело не только в процентах: разные этнические группы в регионе занимают разные социально-профессиональные ниши. В руках коренного населения сосредоточены гуманитарная культура, с одной стороны, и наименее квалифицированный сельскохозяйственный труд – с другой. Индустриальные профессии, труд, требующий знания точных и естественных наук, – это сфера занятости в основном пришлого населения. Если это население будет не расти, а все более уменьшаться, а экономическое развитие будет требовать роста числа все более квалифицированных работников, занятых в индустриальном производстве (включая добывающие отрасли), эту потребность будет трудно удовлетворить даже при наличии большой безработицы среди как русского, так и титульного населения – во многие профессии последнее еще не готово пойти. С другой стороны, как указывает В.А. Тишков (с. 123), многие русские хотели бы работать в сфере обслуживания, в торговле, в малом бизнесе, но ощущают, что их перспективы уступают таковым у титульного населения. Кроме того, автор считает, что растущая исламизация общественной жизни и слабое знание приобретающих все большее значение местных языков тоже действуют на русское население как выталкивающие факторы. Поэтому, хотя субъективно большинство русских в Средней Азии хотело бы остаться и приспособиться к новым условиям и требованиям жизни, отъезд их, видимо, будет продолжаться. Но характерно, что подавляющее большинство желающих остаться хотело бы иметь двойное гражданство, и еще большая их доля ощущает в качестве родины не данную страну Средней Азии, и не Среднюю Азию в целом, и не Россию, а СССР. СССР как понятие страны, Родины, общества, несуществующее уже в политико-географической реальности, продолжает существовать в душах людей, которые в нем родились и выросли. Это поколение людей – люди с несуществующей родиной в сердце. Вопрос в том, не будет ли новое поколение подрастающих среднеазиатских русских людьми, лишенными родины вообще.

В небольшой главе, посвященной Якутии, А.М. Хазанов анализирует политические отношения между властями республики и федеральным центром и между якутской и не-якутской (т.е. в основном русской) частями населения. Несмотря на очень сильное якутское самосознание, ущерб, понесенный якутской нацией от долгой русификации, остается непреодоленным. Хотя значительная часть властных позиций остается в руках якутов, все же их экономическое благополучие несопоставимо с объемом богатств, изымаемых из их страны в виде золота, алмазов и т.д. в пользу федерального центра. Доля русского населения до последнего времени продолжала расти, причем это в основном временные жители, хищнически относящиеся к стране и ее ресурсам. При населении чуть больше 1 млн. человек число временных мигрантов, прошедших через Якутию в 1959–1989 гг., превысило 4 млн. человек!

А.М. Хазанов рассматривает также проблемы духовного возрождения якутского народа, неоднозначность восстановления шаманизма, проблемы малых народов Якутии, прежде всего эвенов, и др. Он приходит к заключению, что хотя пока в Якутии господствует мирная обстановка, тем не менее мир этот хрупок, а обострение межэтнической ситуации в Якутии тяжело отзовется во всей Сибири.

Отдельные главы посвящены положению турок-месхетинцев как одного из незаконно репрессированных и не реабилитированных народов и чеченскому кризису. Разбор последнего доведен до конца мая 1995 г. и содержит вполне объективный и верный анализ предыстории и хода конфликта до этого времени. Однако за прошедшие три года в чеченской проблеме было столько нового, что сегодня эти строки кажутся историей далекого прошлого. На деле же это прошлое совсем недавнее, и его действующие лица остаются актерами и на нынешней политической сцене. Это не только А. Масхадов и Ш. Басаев, но, что гораздо важнее и опаснее для нас, россиян, это П. Грачев, С. Степашин, А. Куликов, С. Говорухин и многие другие, неотмываемо скомпрометировавшие себя в ходе чеченской войны фигуры. Так что самым важным и справедливым выводом А.М. Хазанова в этой связи является «вывод, который российские граждане делают сегодня и к которому они привыкли за 70 лет коммунистического режима: у них нет никаких прав, тогда как власти ни перед кем не подотчетны. Маленькая кучка людей среди правящей элиты, сменившая "Капитал" Маркса на денежный капитал, но не желающая поступаться своей политической властью, снова тайно решает судьбы страны, пока общество пассивно сидит в сторонке» (с. 226).

В книге В.А. Тишкова 20 с. (с. 134–154) посвящены Ошскому конфликту между узбеками и киргизами в этнически смешанном регионе на киргизско-узбекской границе, почти 30 с. (с. 154–182) ингушско-осетинскому конфликту (этнической чистке Пригородного р-на Северной Осетии) и 45 с. (с. 182–227) – чеченской войне. Это, несомненно, самые крупные и кровопролитные конфликты на рассматриваемом пространстве, наряду с войнами в Абхазии и Нагорном Карабахе. Первый из них важен для понимания механизмов возникновения и протекания конфликтов вообще, поскольку он единственный, по которому проведено более или менее полное судебное расследование и материалы которого доступны. Они изложены очень подробно, что дает возможность показать социальное лицо и психологию участников, их осознаваемую мотивацию, роль таких факторов, как транспорт и рельеф местности, сексуальную сторону поведения участников (изнасилование или почти что ритуальное сексуальное унижение представителей «противника»), роль этнической мифологии и т.д. На примере событий в Ошской области В.А. Тишков моделирует грамматику этнического конфликта вообще и делает это очень поучительно и убедительно. В главе, посвященной этнической чистке Пригородного р-на от ингушей, наибольшую ценность представляет показ того, как власти, однозначно встав на позиции поддержки осетинской стороны, вместо гашения конфликта всячески способствовали его доведению до трагического конца. Наконец, в анализе чеченского конфликта В.А. Тишков детально разбирает все факторы, приведшие к его возникновению, и опять-таки, на мой взгляд, данные говорят о том, что материальные, экономические причины сыграли важнейшую роль в разгорании конфликта, хотя, разумеется, психологические, исторические, социальные, культурные факторы тоже имели большое значение. Показательно, что, пожалуй, менее всего повлияли на ход конфликта религиозные факторы, хотя многим и хотелось бы представить чеченскую войну как «джихад» против неверных и как проявление столкновений христианской и исламской цивилизаций. Анализ В.А. Тишкова убедительно показывает, что именно Чечения стала театром этого самого страшного в постсоветское время внутрисоветского конфликта не в силу каких-то особых свойств чеченского народа, а в силу стечения ряда обстоятельств, побудивших федеральные власти занять самую непримиримую и самую неразумную из всех позиций, возможных в то время по отношению к Чечении.

В заключение попытаемся поразмыслить над правомерностью заголовка этой статьи: жив ли СССР после того, как он юридически перестал существовать? Клич «СССР умер – да здравствует СССР!» звучит отнюдь не только в коммунистических манифестациях, он звучит и в ширящейся постсоветской ностальгии огромных масс людей, для которых конкретное снижение уровня жизни гораздо существеннее, чем абстрактная свобода совести или передвижения. Он проявляется и в той симпатии, с которой столь разные деятели и силы относятся к идейно нелепому, экономически разорительному и политически опасному союзу с лукашенковской Белоруссией, союзу, на который, пока еще только в форме фарса, левачествующие парламентарии пытаются нацепить атрибутику и символику «возрождаемого» СССР.

Таджикистан фактически уже является российским протекторатом: как отмечает А.М. Хазанов, без русских войск, по мнению многих, нынешнее правительство не продержалось бы и пары дней. Угроза исламского фундаментализма может подтолкнуть к более близкому сотрудничеству с Россией и авторитарные (по существу уже тоталитарные) режимы Узбекистана и Туркменистана. Армения геополитически

обречена быть союзницей России: по разным причинам вряд ли смогут всерьез дистанцироваться от России и Грузия и Азербайджан. Мне кажется, А.М. Хазанов недооценивает исламско-фундаменталистскую опасность. Может быть при относительно высокой модернизованности и урбанизованности мусульманских народов б. СССР фундаментализм не столь уж опасен для самих этих народов, но для власти номенклатуры он очень опасен. А власть номенклатуры – это и есть реальная власть почти во всех новых независимых государствах юга б. СССР (кроме Армении) и почти во всех «суверенных» республиках Российской Федерации. Кстати сказать, элита последних (не исключая и Чечению) скорее всего приветствовала бы воссоздание СССР, если бы имела шанс войти в него в качестве союзных, а не автономных республик.

Конечно, СССР в прежнем виде никогда восстановлен не будет, как не будут восстановлены СФРЮ или Британская империя. Только лукашенковский режим готов к слиянию с Россией в полудедином государстве, причем и он сохранит за собой свое место в ООН, занятое еще в сталинские времена. Но большинство жителей Белоруссии и не противопоставляют себя русским по принципу дихотомии «мы-они», что их и отличает от нерусскоязычных жителей других новых независимых государств. Однако политическое, экономическое, военное (но скорее всего не культурное) влияние России имеет немалые шансы на укрепление во всех странах СНГ, кроме Молдовы и Украины. Относиться ли к этой перспективе с ужасом или с надеждой, это уже дело личных вкусов и предпочтений. Что же касается Молдовы и Украины, то, невзирая на их раздираемость внутренними противоречиями (или может быть именно в силу этого) их эвентуальная эволюция в сторону балтийской модели отнюдь не исключена.

Существеннейшей компонентой *советскости* (и *евразийскости*, как некоторой тени оной) всегда был и антивестернизм, антиатлантизм и целый букет сопряженных и коррелированных анти-измов, которые не будем здесь перечислять, не говоря уже об их анализе. Прелюдия и апогей коллапса СССР были своего рода карнавалом проатлантизма или антиантивестернизма, временем недолгой полной открытости и радостного братания с Западом. Сегодня, кроме некоторого наигранного и неприятного амикошонства в адрес «друга Гельмута» и «друга Билла», от карнавала не осталось и горстки конфетти. Запад злоупотребил наивностью нашего былого братания. Он поступил с Россией беспощадно, как с основным противником, наголову разгромленным в ходе третьей («холодной») мировой войны. Конечно, А.М.Хазанов прав в том, что действительно наивно было ожидать стомиллиардных вливаний в экономику реформируемой России (с. 83). В какой-то мере понятно и то, что страны Запада, получив практически все уступки от ввергнутой в разруху России, ни на йоту не пожелали поступиться своими национальными интересами. Но вряд ли разумно понимать эти интересы так узко и недалеко, как это делают наши западные «партнеры». И уж совсем неразумно подвергать Россию и русских, и без того болезненно воспринимающих свое национальное унижение, все новым унижениям и оскорблениям. Здесь и грубый нажим по поводу вполне законных торговых сделок с Индией, Ираном, Кипром, и «антидемпинговая» дискриминация, и высокомерная позиция западных (американских, французских, английских, норвежских, польских и Бог весть еще каких) консульских, полицейских, судебных, административных и всяких прочих служб по отношению к простым российским гражданам. Эту позицию я не могу определить иначе как «презумпцию прокаженности»; я испытал ее и на собственном опыте, и на опыте многих моих друзей и коллег – журналистов, ученых, художников, публицистов и т.д. Понять эту презумпцию можно – тут и «русская мафия», и «русская проституция», и «русский СПИД», и «русские нелегалы», и т.д. Но беда в том, что криминалу она, по большому счету, не помеха, зато больно бьет именно по тем категориям людей, которые как раз и занимают ключевые позиции в формировании общественного мнения.

А мнение это, как и следовало ожидать, становится все более антизападным, антиатлантическим, а стало быть, все более просоветским. При этом нет особой разницы между взглядами этнических русских и нерусских в России, так как «презумпция прокаженности» распространяется на всех россиян, да и, пожалуй, на всех «СНГовцев». В разных странах СНГ есть свое разочарование в своих кумирах (например, у тюркских народов – в Турции), но разочарование как таковое – повсеместно. Все более интенсивное нарастание не просто обывательской ностальгии, но и более глубокой и серьезной идейной советскости большинства россиян не может не иметь своим следствием еще одного явления. При всей куцести и дефективности российской квазидемократии сегодня она все же на несколько порядков ближе к эталонам западной либеральной демократии, чем то, что можно наблюдать в Грузии, Армении, Киргизстане, не говоря уже об Азербайджане, Узбекистане или Туркменистане. Но каждый шаг вперед по пути реинтеграции стран СНГ, или, что одно и то же, по пути усиления влияния России в «новых независимых государствах», будет сопровождаться тенденцией к некоторому выравниванию уровня либеральности и

демократичности в этих странах. При этом, безусловно, такое выравнивание будет происходить не за счет подтягивания авторитарных режимов к российскому уровню – авторитарные режимы на это не способны. Зато в силу действия элементарной энтропии будет происходить «снижение планки» в России к уровню, более близкому к нормам авторитарных режимов. Это, несомненно, гораздо более легко осуществляемый путь, и некоторые признаки вступления на него мы можем видеть уже сегодня на примере хода недавней российско-белорусской конфронтации по поводу корреспондентов ОРТ. «Реставрация» – вот наиболее распространенное впечатление большинства моих западных коллег, время от времени посещающих Россию и поэтому более отчетливо видящих перемены в нашей жизни, которые мы сами, живущие в России, в силу их постепенности не столь быстро замечаем.

А.М. Хазанов в «Заключении» к своей книге подчеркивает важность различий между авторитарным капитализмом и тоталитарным коммунизмом (с. 231). При тоталитарном коммунизме экономические элиты не имеют самостоятельного существования. При авторитарном капитализме политические элиты должны сосуществовать с экономическими. Последние могут подкупить первые или инкорпорировать их в себя.

В России, как и в некоторых других государствах СНГ, ситуация двояка: отчасти политическая номенклатурно-бюрократическая элита прислуживает интересам компрадорской экономической элиты. Однако отношения двух элит к этому не сводятся: политико-административная элита (чиновничество) имеет тенденцию и к количественному непомерному росту, и к качественному расширению своих appetitov, и прогрессирующее сращивание обеих элит идет последнее время под явным знаком доминирования чиновничества.

Реинтеграция стран СНГ – так, как она с великим скрипом начинается сегодня и как она, видимо, будет проходить в дальнейшем, конечно, будет соответствовать прежде всего интересам этого чиновничества. Те огромные массы, которые одержимы ностальгией по СССР, конечно, даже при максимальной интеграции не получают того, о чем они тоскуют: не только повышения уровня жизни, но и возврата еще более серьезных потерянных социалистических завоеваний, как-то: всеобщего бесплатного весьма приличного образования, не слишком качественного, но относительно сносно бесплатного здравоохранения. Господствующие ныне классы, т.е. компрадорская буржуазия и экс-номенклатурное чиновничество, в восстановлении этих ценностей никак не заинтересованы. Даже если, не дай Бог, к власти в России придет КППРФ, произойдет только персональная перетасовка в рамках этих классов, но сами классы, их интересы и ориентации останутся те же (как это бывало в крестьянских революциях средневековья). Но эти же классы (включая и региональные, квазиэтнические элиты на уровне бывших АССР), будучи лишь частично заинтересованы в экономической интеграции, не заинтересованы, как правило, и в дальнейшем этнотерриториальном дроблении, в образовании новых «независимых государств». Конечно, в процессе экономической интеграции каждый в меру своих сил будет тянуть одеяло на себя, но рвать его на лоскуты вряд ли кто захочет, скорее заметна тенденция залатать кое-какие связи, разорванные ранее.

Компрадорская буржуазия, в общем и целом, по сути своей безэтнична, как безэтичен и переплетающийся с ней криминальный бизнес. Конечно, квазипатриоты считают то и другое филиалом мирового еврейства, но это уж особенность их видения мира. Чиновническая бюрократия тоже в основном надэтнична, хотя иногда и может использовать этнические лозунги. И даже мелкие мафиозные группы, нередко основанные на этническом принципе, работая в основном в диаспоре, конечно, более заинтересованы в интеграции, чем в обособлении своих этнических родин. Но чем явственнее будут обозначаться тенденции реинтеграции, тем больше будет возрастать напряжение в экономически и социально прижатых слоях общества, в этнически осознающих себя массах трудящихся города и деревни, в кругах национальной интеллигенции.

В своем «Заключении» А.М. Хазанов не касается вопросов реинтеграции или реставрации; его книга была издана в 1995 г., когда даже перспективы развития чеченского кризиса были еще неясны. Но он много пишет о том, как трудно найти «решение» национального вопроса. Даже экономическое процветание, реализация правового государства, полная демократизация общественной жизни не всегда способны снять остроту национального вопроса и спасти общество от этнического насилия, хотя и способствуют нередко частичному решению этих задач. Но уж что он показывает совершенно четко, так это то, что «советский», или «социалистический», стиль политических действий никогда и нигде не приводит к решению этнических проблем. Он мог временно загнать их в подполье, но этим только обострял их и создавал предпосылки для их самых экстремальных проявлений. Из этого следует, что «постсоветская реставрация советскости», даже если ее явно наметившиеся тенденции осуществляются в максимально возможной мере, не снимет остроты межнациональных отношений в постсоветском пространстве, а наоборот, их усугубит. Экономическая

интеграция стран СНГ не принесет улучшения самочувствия ни 27 млн. русских, находящихся за пределами политических границ России, ни половине общей численности неславянских народов России, находящихся за пределами своих «суверенных» автономий. Бог даст, нам уже не придется видеть вновь таких тотальных этнических чисток, какие происходили в Осетии или Абхазии, не говоря уж об Азербайджане, но, вне всякого сомнения, выжимание славянского населения с большинства территорий с неславянским большинством в тех или иных размерах будет продолжаться, невзирая ни на какую интеграцию.

В отличие от книги А.М. Хазанова в заключительных разделах книги В.А. Тишкова «постсоветской советскости» посвящено немало внимания и места (с. 247 и далее). Отмечая, что все постсоветские государства стоят перед задачей «строительства нации», он считает, что Россия далеко не самая продвинутая страна на этом пути. В дореволюционной России русскими считались все, кто говорил по-русски и был крещен в православии. По происхождению (или по фамилии) это могли быть и явные немцы, и украинцы, и мордва, и крещеные евреи, и кто угодно еще. Лишь крайние националисты настаивали на том, что истинный русский должен иметь русских предков и фамилию с окончанием на «ов». После ВОСР, параллельно с зарождением и ростом национального самосознания у чукчей, коми, карачаевцев, даргинцев и др., шло размывание русского самосознания, все более подменяемого «советской» общностью. К этой общности продолжают апеллировать многие маргинальные политические объединения не только в России, но и на Украине и в Молдове, призывающие к восстановлению СССР. Как пишет В.А. Тишков, популярность многих газет и торгово-промышленных марок связана с тем, что они сохранили старые названия, невзирая на их анахронизм: газета «Комсомольская правда», шоколад «Красный Октябрь» и т.д. Известный политик А. Тулеев пишет, что для 30 млн. таких людей, как он, людей со смешанными корнями, нет полноценной жизни без единства России, Украины, Белоруссии и Казахстана. По мнению В.А. Тишкова, все это вовсе не политика, а глубинные личностные факторы. Отказаться от «российской имперскости» в пользу Советской Федерации призывают и призывали и многие другие нерусские лидеры, вплоть до Д. Дудаева. Как и во время референдума 1991 г., социологические опросы последних лет показывают, что лишь 20–30% опрошенных оценивают распад Союза позитивно, тогда как негативные оценки доходят до 70%. Притом опять-таки наивысший процент негативных оценок наблюдается не столько среди русских, сколько среди сравнительно малых народов, особенно находящихся в меньшинстве на своей этнической территории или рассеченных новыми государственными границами (башкиры, лакцы, лезгины и т.д.). В.А. Тишков приходит к выводу, что так называемая Советская империя остается и системой таких глубоких интересов большей части нынешней элиты, которые трудно поделить или отменить. Для их девальвации или трансформации потребуется немало времени. Но время это будет продолжать оставаться временем этнической конфликтности.

Как я уже отмечал, книга А.М. Хазанова эксплицитных рекомендаций и рецептов не содержит, и видимо намеренно. У В.А. Тишкова, напротив, они занимают всю последнюю главу (с. 272–293).

Дав в целом вполне здравый и глубокий анализ причин и механизмов возникновения этнической конфликтности, В.А. Тишков подробно раскрывает ряд возможных стратегий их предотвращения. К его предложениям следует внимательно прислушаться, так как они отражают немалый личный опыт не просто ученого-исследователя, но и администратора, занимавшегося этими вопросами на практике. Первая его рекомендация – ввести в широкий обиход и публичное обсуждение понятие «гражданской нации» как полиэтнического, плюралистического общества, действующего на данной территории даже при наличии численно и культурно доминирующей этнической группы. Такое понимание – безусловная предпосылка подлинно демократического гражданского мышления. Его формирование, однако, неизбежно будет вызывать противодействие со стороны этой самой доминирующей группы.

Вторая и, безусловно, здоровая рекомендация – перераспределение власти, углубление асимметричного федерализма в России, расширение переговорных и договорных процессов в рамках федерации как по вертикали (центр – автономия), так и по горизонтали (разные автономии между собой). В.А. Тишков считает, что федерация представляет собой плодотворный путь не только для России (где де-юре для большинства групп она уже существует), но и для Украины, Грузии, Узбекистана, Молдовы, Таджикистана, Казахстана, Киргизстана, Азербайджана и даже для Эстонии. Кроме последнего случая, в принципе я готов с ним согласиться. Но готовы ли согласиться с ним власть предержащие перечисленных государств – вот в чем вопрос!

Третья рекомендация – введение официального билингвизма и даже трилингвизма (что уже имеет место в Белоруссии и Киргизстане и дало положительные результаты). Практически это будет означать признание официального статуса за русским языком почти во всех странах СНГ с добавлением таджикского в

Узбекистане, узбекского в Таджикистане, украинского в Молдавии. Опять-таки можно предвидеть сильного оппонента такой меры – это титульная интеллигенция в каждом из перечисленных государств.

Еще одна рекомендация – пропорциональная этническая представленность в центральных органах государств и автономий. Этот принцип уже законодательно закреплен, скажем, в Кабардино-Балкарии и Дагестане. Но не приведет ли он к практической непредставленности титульной нации в Хакасии или Карелии? Как воспримут его башкиры, удмурты, буряты? К пропорциональности, безусловно, нужно стремиться, но сами пропорции будут нуждаться в коррекции, которую можно достичь только путем консенсуса или общественной договоренности, но отнюдь не законодательным путем.

Ряд других предложений (поддержка межэтнических коалиций, объединенных иными, нежели этнические, интересами, меры по повышению жизненного уровня этнических сельских анклавов, уменьшение диспропорций в уровне жизни разных этнических групп, защита малых общин, в особенности северных народностей, и т.д.) по существу тождественны политике «аффирмативных действий», которая с успехом практикуется в США и заслуживает всяческого одобрения, равно как и чрезвычайно важный тезис о развитии и усилении местного самоуправления. Наконец, недостаток места мешает рассмотреть здесь в деталях предложения по оздоровлению ситуации в случае назревающего конфликта и по облегчению выхода из него, но я рекомендовал бы читателям – и прежде всего лицам, наделенным властью, – внимательно ознакомиться с ними.

Круг вопросов, связанных с ролью этнических факторов в распаде СССР и с перспективами развития межэтнических взаимоотношений в постсоветском пространстве, поистине безграничен и неисчерпаем, и нет сомнения, что труды, посвященные этой актуальнейшей теме, будут и впредь публиковаться в немалом числе. Однако на сегодня две книги, рассмотренные в этой статье, труды А.М. Хазанова и В.А. Тишкова, столь внешне похожие и столь разные по содержанию, столь удачно взаимно дополняющие друг друга, являются высшим достижением научной политико-аналитической мысли по всему комплексу тем поздней и постсоветской этнополитической реальности.

Примечания

¹ Nations and Politics in the Soviet Successor States. Cambridge, 1993; The Nationalities Question in the Soviet Union. L., 1990; *Suny R.G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993.

² Ленин В.И. Письмо к Троцкому // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

³ *Shnirelman V.A.* Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. Washington; Baltimore, 1996; *Шнирельман В.А.* Националистический миф: основные характеристики // Славяноведение. 1995. № 6; *его же.* Борьба за аланское наследие (этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток. 1996. № 5; *его же.* Второе пришествие арийского мифа // Восток. 1998. № 1.

С.А. Арутюнов

© 1998 г., ЭО, № 5

K. Ylönen. Inkerin kirkon nousu kommunistivallan päätyttyä // *Kirkon Tutkimuskeskus. Sarja A. № 70.* Jyväskylä, 1997. 434 s.

В последние десятилетия в Финляндии вышло в свет немало работ, посвященных так называемым ингерманландским финнам – российским финнам, веками жившим на южном побережье Финского залива и на Карельском перешейке. В исследованиях рассматриваются история формирования финских поселений на этой территории, исторические судьбы данной этнической группы финнов, их традиционная культура, современное положение. Значительное внимание уделяется также истории и современному положению Ингерманландской церкви. Среди трудов, посвященных этому вопросу, особый интерес, по нашему мнению, представляет рецензируемая монография Каарины Юлёнен «Подъем Ингерманландской церкви по окончании коммунистического правления». Выбор темы неслучаен: возрождение церкви, официально носящей наименование «Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии», произошло в последнее десятилетие столь стремительно и широко, что требует анализа.